

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

Не влюбляйся ♡
В БОССА

ВРАГИ · КОЛЛЕГИ · ЛЮБОВЬ

Big
dreams
Bigger
moves
♡

Александра Ветрова
Не влюбляйся в босса

«Автор»

2026

Ветрова А.

Не влюбляйся в босса / А. Ветрова — «Автор», 2026

Мой первый рабочий день закончился испорченным костюмом босса. Второй — проигранным им спором. На третий он сделал меня своей личной помощницей. Александр Рид — самоуверенный миллиардер, чертовски привлекательный мужчина и мой новый личный кошмар. У него есть правило: никаких отношений на работе. У меня — никогда не связываться с мужчинами, которые считают себя подарком судьбы. Всё шло прекрасно, пока мы не начали задерживаться в офисе до полуночи, спорить на расстоянии одного дыхания и смотреть друг на друга чуть дольше, чем положено. Но у босса есть секреты. У меня — принципы. А у судьбы, кажется, отвратительное чувство юмора. Влюбиться в Александра Рида — плохая идея. Особенно если однажды он может разбить не только моё сердце, но и всю мою жизнь.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Ветрова

Не влюбляйся в босса

Глава 1. Кофе для короля

Утро первого рабочего дня в «Ауреон Групп» началось с катастрофы, которую Эвелин Харт не планировала.

Она готовилась к этому дню три недели: выучила историю компании от первого офиса в Бостоне до небоскрёба на Парк-авеню, запомнила имена всех членов совета директоров, включая тех, кто входил в него лишь номинально, и даже составила список вероятных вопросов, которые ей могут задать на вводной встрече. Она знала, что «Ауреон» — это не просто инвестиционно-технологическая корпорация с активами в двенадцати странах; это закрытый клуб, где решения принимаются в переговорных без табличек на дверях, а ошибки измеряются не выговорами, а миллионами. Она знала, что генеральный директор Александр Рид за три года своего правления сократил штат на четверть и удвоил прибыль, и что сотрудники между собой называют его «Снежный король» — не столько за холодность, сколько за то, что рядом с ним всегда казалось, будто температура в помещении падает на несколько градусов.

Но она не знала, что в семь утра её любимая кофейня на углу Пятой авеню окажется закрытой на ремонт, что ближайший «Старбакс» соберёт очередь из тридцати человек, и что, выбежав из такси с картонным стаканом в руке, она влетит в лифт «Ауреон Групп» ровно за секунду до того, как двери начнут закрываться, и обнаружит там единственного пассажира — мужчину в костюме, который стоил больше, чем её месячная аренда.

Он стоял у панели с кнопками, небрежно прислонившись плечом к зеркальной стене, и листал что-то в телефоне. Высокий, с тёмными волосами, уложенными с той тщательной небрежностью, которая на самом деле требует часа перед зеркалом, и с профилем, который на обложке делового журнала выглядел бы уместнее, чем в переполненном лифте в половине восьмого утра. Эвелин успела отметить идеальный крой пиджака, запонку с едва заметным гравированным логотипом и выражение лица человека, который привык, что мир вокруг него вращается с нужной скоростью, и не предполагал, что кто-то может в этот мир ворваться.

Она ворвалась.

Двери лифта сомкнулись за её спиной, и в тот же момент такси, которое она покидала в спешке, резко затормозило где-то за стеклянными дверями холла. Эвелин не видела этого — она уже нажимала кнопку своего этажа, пытаясь одновременно поправить сумку, висевшую на плече, проверить время на часах и удержать стакан, крышка которого, как назло, оказалась плохо закрученной.

— Двадцать восьмой, — сказала она вслух, скорее для себя, чем для него, и нажала кнопку.

— Он не работает, — произнёс мужчина, не поднимая глаз от телефона. Голос у него был низкий, ровный, с той ленивой уверенностью, которая бывает у людей, привыкших, что их слова не оспаривают.

— Что значит «не работает»?

— То значит, что вчера его отключили для планового обслуживания. Вам нужен двадцать седьмой, а оттуда — по лестнице. Или лифт для руководства, но туда нужен пропуск уровня «А».

Эвелин посмотрела на панель. Кнопка двадцать восьмого действительно не горела. Она выдохнула, поправила очки и нажала двадцать седьмой, чувствуя, как раздражение поднимается откуда-то из глубины грудной клетки.

— Спасибо за информацию. Вы всегда так подробно инструктируете незнакомых людей в лифтах, или сегодня особенный день?

Мужчина наконец оторвался от телефона и посмотрел на неё. Взгляд у него был серый, как октябрьское небо, и такой же непроницаемый. Он скользнул по её лицу, по съехавшим на нос очкам, по стакану в руке, по сумке, из которой торчал угол папки с документами, и вернулся к её глазам.

— Обычно я не разговариваю в лифтах. Но вы выглядите так, будто впервые оказались в здании, где больше одного этажа.

— А вы выглядите так, будто вам никогда не приходилось опаздывать.

— Приходилось. Но я не опаздываю. Я задерживаюсь. Это разные вещи.

— Надо же. А я думала, что разница только в словах, которыми люди себя успокаивают.

Уголок его рта едва заметно дрогнул. Это было не улыбкой, а её тенью — быстрой, почти неуловимой, как рябь на воде. Эвелин могла бы решить, что ей показалось, если бы он в следующую секунду не сказал:

— Вы, наверное, из новеньких. Отдел стратегии?

— Аналитический. Первый день.

— Тогда советую запомнить: в этом здании лифты ломаются чаще, чем обещания менеджеров среднего звена. Привыкайте ходить пешком.

— Спасибо. Я запомню. Вы, случайно, не из службы безопасности? У вас талант запугивать новых сотрудников.

— Нет. Но я знаю, как выглядит человек, который через неделю напишет заявление по собственному желанию.

— И как же?

— Он держит кофе слишком крепко. Как будто это единственное, что удерживает его на ногах.

Эвелин опустила взгляд на стакан. Пальцы действительно побелели. Она разжала хватку, и в тот же момент лифт дёрнулся — резко, неожиданно, так, что её бросило вперёд, а крышка стакана соскочила с тихим щелчком. Тёмная жидкость выплеснулась наружу — щедро, несправедливо щедро, — и описала в воздухе короткую дугу, прежде чем приземлиться на пиджак незнакомца. На том самом пиджаке, который стоил больше, чем её месячная аренда. На том самом пиджаке, который, как она успела заметить, был сшит на заказ, потому что у готовых пиджаков не бывает такого идеального плечевого шва.

Мужчина замер. Эвелин тоже замерла. Несколько секунд в лифте стояла тишина, нарушаемая только гудением мотора и тихим шипением кофе, впитывающегося в дорожную ткань.

Потом он поднял глаза.

— Вы хоть понимаете, сколько стоит этот костюм?

Голос остался ровным, но в нём появилась новая нота — не гнев, а скорее холодное изумление, как будто он впервые за долгое время столкнулся с чем-то, что не вписывалось в его картину мира.

Эвелин сняла очки, протёрла их краем рукава и снова надела. Руки дрожали, но не от страха. От чего-то другого — от злости, от нелепости происходящего, от того, что этот день должен был стать началом новой жизни, а превратился в сцену из плохой комедии.

— Достаточно, чтобы вы могли позволить себе химчистку, — сказала она, и голос её, к её собственному удивлению, звучал твёрдо. — А вот чувство юмора, кажется, в ваш бюджет не заложили.

Он посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что сказал что-то настолько неожиданное, что требуется время на обработку информации. Потом медленно, очень медленно, опустил взгляд на пятно, расплзающееся по левому борту пиджака, и произнёс:

— Вы только что испортили костюм, который шили в Милане. Вручную. Три месяца.

— А вы только что объяснили мне, что я недостаточно крепко держу кофе. Может быть, это была судьба?

— Судьба?

— Ну, знаете, иногда вселенная посылает нам знаки. Например, что не стоит разговаривать с незнакомцами в лифтах.

Двери лифта открылись на двадцать седьмом этаже. За ними был коридор с серым ковролином и стеклянными дверями переговорных, и где-то в глубине гудел офис — приглушённо, как улей.

Мужчина вышел первым. Остановился, обернулся. Эвелин всё ещё стояла в лифте, прижимая к груди пустой стакан, как щит.

— Ваш этаж, — сказал он.

— Я знаю.

— Тогда почему вы не выходите?

— Потому что мне нужно ещё тридцать секунд, чтобы решить, не лучше ли мне вернуться домой и сделать вид, что этого утра не было.

— Это вряд ли поможет. Пятно уже въелось.

Она вышла. Двери лифта закрылись за её спиной, и они остались вдвоём в пустом коридоре — она с пустым стаканом и папкой, он с кофейным пятном на пиджаке и выражением лица, которое Эвелин затруднилась бы описать одним словом.

— Я найду химчистку и оплачу счёт, — сказала она. — Это самое меньшее, что я могу сделать.

— Самое меньшее, что вы можете сделать, — это в следующий раз держать крышку закрытой. Но я запомню ваше предложение.

— Вы всегда так любезны с новыми сотрудниками?

— Только с теми, кто обливает меня кофе.

— Тогда я, пожалуй, пойду. У меня встреча через пятнадцать минут, и я не хочу опоздать ещё сильнее, чем уже опоздала.

Она повернулась и пошла по коридору, чувствуя его взгляд между лопаток. Спина горела, как будто кофе попал не на него, а на неё.

— Мисс... — окликнул он.

Она обернулась.

— Харт. Эвелин Харт.

— Мисс Харт, — повторил он, и в его устах её имя прозвучало как приговор. — Добро пожаловать в «Ауреон Групп». Надеюсь, ваша встреча пройдёт лучше, чем этот лифт.

Он не улыбнулся. Просто повернулся и зашагал в противоположную сторону, и его шаги — размеренные, уверенные — постепенно растворились в гуле офиса.

Эвелин выдохнула. Посмотрела на стакан в руке. Выбросила его в ближайшую урну и, поправив сумку, направилась к переговорной, где её ждали.

Она не знала, что через двадцать минут этот человек войдёт в ту же переговорную, сядет во главе стола, снимет пиджак с едва заметным пятном на левом борту и скажет:

— Итак, начнём. Меня зовут Александр Рид. Я генеральный директор этой компании. И я не люблю, когда меня обливают кофе.

Стол длиной в шесть метров. Двенадцать стульев. Панорамное окно во всю стену, за которым Манхэттен поднимался в утренней дымке, как декорация к фильму, где все герои

носят костюмы и говорят на языке цифр. Эвелин сидела на третьем стуле слева, и в тот момент, когда дверь открылась и вошёл он, она поняла, что вселенная действительно посылает знаки.

Просто иногда она посылает их в виде кофейных пятен.

Александр Рид обвёл взглядом собравшихся — аналитиков, менеджеров, вице-президентов, — и его глаза на долю секунды задержались на ней. Ни удивления, ни узнавания. Только едва заметное движение брови, которое могло означать что угодно: от «ах, это вы» до «надо же, она всё-таки дошла».

— Начнём с квартальных показателей, — сказал он, и встреча началась.

Эвелин слушала. Делала пометки. Отвечала на вопросы, которые ей задавали, ровно и по делу. Она не смотрела на него — или, точнее, старалась не смотреть, — но чувствовала его присутствие каждую секунду, как чувствуют сквозняк в комнате, где закрыты все окна.

Когда встреча закончилась и все начали собирать бумаги, он сказал:

— Мисс Харт, задержитесь на минуту.

Она осталась. Дверь закрылась. Они были вдвоём в переговорной, где ещё висел запах кофе — того самого, который она пролила, — и тишина звенела, как натянутая струна.

— У вас есть тридцать секунд, чтобы объяснить, почему я должен забыть о сегодняшнем утре, — сказал он.

— А если я не хочу, чтобы вы его забывали?

— Простите?

— Вы сказали, что запомните моё предложение. Я его выполняю. Химчистка, счёт, всё как договорились. Но я не собираюсь извиняться за то, что произошло в лифте. Это была случайность. А вот то, что вы решили устроить из этого спектакль, — уже сознательный выбор.

Он смотрел на неё долго, очень долго. Потом сказал:

— Вы понимаете, что я ваш генеральный директор?

— Понимаю.

— И что я могу уволить вас быстрее, чем вы успеете найти химчистку?

— Понимаю.

— И вы всё равно продолжаете со мной спорить?

— А вы ожидали, что я упаду в обморок от счастья, что вы со мной разговариваете?

Тишина. Потом — и это было самое неожиданное — он улыбнулся. По-настоящему, не тенью улыбки, а краем губ, и в этой улыбке было что-то от человека, который только что нашёл в куче песка стеклянный шарик и не знает, что с ним делать.

— Мисс Харт, — сказал он, — у вас есть редкий талант: вы умеете портить первое впечатление так, чтобы его хотелось повторить. Это дорого стоит. Надеюсь, вы окажетесь так же хороши в своей работе, как в умении дерзить.

Он взял со стола папку и вышел, не оборачиваясь.

Эвелин осталась стоять посреди переговорной, глядя на закрывшуюся дверь, и думала о том, что этот день, возможно, был не таким уж катастрофическим.

А потом вспомнила про пятно на его пиджаке и поняла, что катастрофа ещё впереди.

Глава 2. Спор на миллион

Совещание по стратегии выхода на азиатские рынки началось в девять ноль-ноль, и уже к девяти пятнадцати Эвелин поняла, почему в «Ауреон Групп» так часто меняются аналитики.

Александр Рид вёл встречу так, как дирижёр ведёт оркестр: без суеты, без лишних слов, с той пугающей экономией движений, которая заставляет остальных подбираться и играть в два раза внимательнее. Он задавал вопросы короткие, как выстрелы, и не принимал ответов, в которых было больше прилагательных, чем цифр. Двое менеджеров к середине часа уже выглядели так, будто их пропустили через центрифугу. Третий, вице-президент по развитию, нервно тербил угол папки и старался не встречаться с генеральным директором взглядом.

Эвелин сидела на своём месте, делала пометки и ждала.

Она знала, что её очередь придёт. Программа встречи лежала перед ней — распечатка на двух листах, которую она получила вчера вечером вместе с папкой вводных документов. Пункт шестой: «Аналитическая записка по проекту „Меридиан“. Докладчик: Э. Харт». Она готовила эту записку четыре дня, и в ней было всё: расчёты, сценарии, оценка рисков, три варианта входа на рынок с разной степенью агрессивности. Она знала, что её предложение нестандартное. Знала, что оно может не понравиться. Но она также знала, что цифры за него.

Когда до шестого пункта осталось два доклада, она почувствовала, как под рёбрами собирается тугое, холодное напряжение — то самое, которое всегда приходило перед выступлениями и которое она так и не научилась полностью подавлять.

— Пункт шестой, — сказал Рид, не поднимая глаз от своих бумаг. — Мисс Харт, ваша записка у меня. Начните с главного.

Эвелин поднялась. Не потому, что этого требовали правила — в «Ауреоне» никто не требовал вставать, — а потому, что ей так было проще держать спину.

— Главное в том, что предложенная модель выхода на азиатские рынки строится на устаревших данных, — сказала она.

В переговорной стало тихо. Не просто тихо — а так, как бывает в комнате, где кто-то только что сказал вслух то, о чём все думали, но боялись произнести. Вице-президент по развитию замер с открытым ртом. Один из аналитиков уронил ручку.

Александр Рид медленно поднял голову. Лицо у него было непроницаемое, но в глазах появился тот самый серый лёд, который Эвелин уже видела утром в лифте.

— Продолжайте, — сказал он.

— В основе прогноза лежит корреляция между ростом потребительского спроса и проникновением цифровых сервисов за период с две тысячи девятнадцатого по двадцать второй год. Эта корреляция работала, пока рынок рос. Но в двадцать третьем структура спроса изменилась: доля цифровых сервисов выросла, а потребительский спрос в сегменте, на который мы ориентируемся, упал на семь процентов. Если пересчитать модель с учётом этого сдвига, точка окупаемости проекта сдвигается на четырнадцать месяцев вправо, а внутренняя норма доходности падает с восемнадцати до одиннадцати процентов.

Она замолчала. В переговорной было слышно, как гудит кондиционер.

— Это очень смелое утверждение, — произнёс Рид. — Особенно для человека, который работает в компании третий день.

— Смелое — не значит неверное.

— Смелое — значит требующее доказательств. У вас они есть?

— Есть. — Эвелин открыла папку и достала три листа с расчётами. — Я пересчитала модель по трём независимым источникам данных. Если позволите, я подойду к экрану.

Он кивнул — коротко, почти незаметно, — и она подошла к проектору. Пока она подключала ноутбук, в комнате стояла та особенная тишина, которая бывает перед бурей или перед очень хорошим спектаклем. Эвелин чувствовала взгляды всех присутствующих: кто-то смотрел с сочувствием, кто-то с любопытством, а вице-президент по развитию — с плохо скрываемым раздражением.

На экране появились таблицы. Эвелин говорила двенадцать минут. Она показала, откуда взялся сдвиг в структуре спроса, как он влияет на каждый из трёх сценариев, и что произойдёт с проектом, если компания пойдёт по предложенному пути, не скорректировав прогноз. Цифры были неумолимы: проект, который в исходной модели выглядел привлекательным, при пересчёте оказывался если не убыточным, то опасно близким к нулевой доходности.

Когда она закончила, Рид сидел неподвижно. Потом сказал:

— У вас есть пять минут, чтобы объяснить, почему вы считаете, что моя команда не заметила ошибку, которая, по вашим словам, лежит на поверхности.

— Я не считаю, что она лежит на поверхности. Я считаю, что её легко не заметить, если пользоваться данными за прошлые периоды и не проверять их на актуальность. Это не ошибка команды. Это ошибка методологии, которая унаследована от предыдущего руководства.

— То есть вы хотите сказать, что проблема не в людях, а в системе?

— Именно так.

— И вы, конечно, знаете, как эту систему исправить.

— Знаю. Но для этого нужно пересмотреть не только модель, но и подход к сбору данных. И это потребует времени.

Рид откинулся на спинку стула. Впервые за всё совещание он позволил себе расслабиться — или, точнее, позволил себе выглядеть расслабленным, что было гораздо опаснее.

— Мисс Харт, — сказал он, — вы понимаете, что предлагаете остановить проект, в который уже вложены деньги? Что вы ставите под сомнение работу целого отдела? И что если вы ошибаетесь, то это будет стоить компании не только денег, но и репутации?

— Понимаю.

— И вы всё равно настаиваете?

— Я настаиваю на том, чтобы вы проверили мои расчёты. Если они неверны, я готова публично признать ошибку и уйти. Если верны — вы должны признать, что проект нуждается в пересмотре.

В переговорной кто-то тихо ахнул. Вице-президент по развитию побагровел и открыл рот, но Рид остановил его жестом.

— Вы предлагаете пари, — сказал он медленно.

— Я предлагаю проверить факты.

— Это одно и то же. — Он подался вперёд и положил локти на стол, и в его взгляде появилось что-то новое — не гнев, а азарт, холодный и острый, как лезвие. — Хорошо. Условия: если ваши расчёты подтвердятся, я публично признаю, что вы были правы, и проект будет пересмотрен. Если нет — вы уходите сегодня же, и я не дам вам рекомендаций. Ни хороших, ни плохих.

— Согласна.

— Вы даже не спросили, сколько времени у меня займёт проверка.

— Мне не нужно время. Мне нужна истина.

Кто-то за столом тихо присвистнул. Эвелин не обернулась. Она смотрела только на него, и он смотрел только на неё, и между ними через шесть метров полированного дерева протянулась невидимая нить — натянутая, звенящая, готовая лопнуть.

Рид повернулся к вице-президенту:

— Хейл, у вас есть доступ к независимым источникам данных?

— Есть, сэр.

— Проверьте. Сегодня. И доложите мне лично.

Виктор Хейл — мужчина лет пятидесяти с седыми висками и цепким взглядом — кивнул. На его лице не дрогнул ни один мускул, но Эвелин показалось, что на долю секунды его глаза сузились, как у человека, который только что получил неприятное известие и уже прикидывает, как его использовать.

— Тогда на этом всё, — сказал Рид. — Совещание окончено.

Все начали собираться. Эвелин выключила проектор, сложила листы в папку и уже направилась к двери, когда услышала за спиной:

— Мисс Харт, на два слова.

Она обернулась. В переговорной остались только они вдвоём — и Виктор Хейл, который задержался у двери, что-то поправляя в папке. Рид посмотрел на него, и Хейл, поняв намёк, вышел.

Дверь закрылась.

— Вы понимаете, что только что сделали? — спросил Рид.

— Выступила с докладом.

— Вы публично объявили проект несостоятельным. За спиной команды, которая над ним работала полгода. За спиной вице-президента, который этот проект продвигал. Вы понимаете, что теперь у вас появились враги, о существовании которых вы даже не подозреваете?

— Понимаю.

— И вам всё равно?

— Мне не всё равно. Но я не собираюсь молчать из-за того, что кто-то может обидеться. Если у них была ошибка, они должны её исправить. Если нет — я уйду.

Рид смотрел на неё долго. Потом сказал:

— Вы очень странный человек, мисс Харт. Обычно люди на вашем месте стараются понравиться начальству. Вы же делаете всё, чтобы вас уволили.

— Я не стараюсь понравиться. Я стараюсь быть полезной.

— Это опасная стратегия.

— Почему?

— Потому что полезных людей используют. А тех, кто нравится, берегут.

Он подошёл ближе. Настолько близко, что Эвелин почувствовала запах его парфюма — что-то древесное, с едва уловимой горчинкой, — и увидела, что у него серые глаза с тёмными крапинками у зрачков.

— Вы уверены в своих расчётах? — спросил он тихо.

— Абсолютно.

— Тогда я скажу вам одну вещь. Если Хейл подтвердит ваши данные, я выполню условие пари. Но запомните: я не люблю проигрывать. И тем, кто меня заставляет это делать, я тоже не даю спуска.

— Это угроза?

— Это предупреждение. Вы работаете в компании, где репутация решает всё. Сегодня вы её заработали. Завтра можете потерять. Всё зависит от того, окажетесь ли вы правы.

Он отошёл к окну, давая понять, что разговор окончен.

Эвелин вышла в коридор и прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось где-то в горле. Она только что поставила на кон свою карьеру — и, возможно, не только её.

Но она не жалела.

Результат пришёл в четыре часа дня. Эвелин сидела за своим столом, разбирая почту, когда в дверях появился Виктор Хейл. Лицо у него было каменное, но в глазах читалось что-то, чего она не смогла расшифровать: то ли уважение, то ли раздражение.

— Мисс Харт, — сказал он. — Ваши расчёты подтвердились. Полностью.

Она выдохнула — медленно, беззвучно.

— Спасибо, что проверили.

— Не благодарите. — Хейл подошёл ближе и понизил голос. — Вы понимаете, что нажили себе врага?

— Вы про мистера Рида?

— Я про себя. Этот проект был моим. И вы только что публично доказали, что он несостоятелен.

— Я не хотела никого обидеть. Я хотела, чтобы компания не потеряла деньги.

— В компании люди теряют не только деньги. — Он помолчал. — Но вы молодец. Правда. Немногие решаются спорить с генеральным директором. Ещё меньше — выигрывать.

Он развернулся и ушёл, прежде чем Эвелин успела ответить.

Через двадцать минут в общий корпоративный чат пришло сообщение от Александра Рида. Оно было коротким, сухим, без единого лишнего слова:

«По итогам проверки проекта „Меридиан“ подтверждено: аналитическая записка Э. Харт содержала корректные расчёты. Проект направляется на пересмотр. Благодарю мисс Харт за профессионализм».

Эвелин перечитала сообщение трижды. Потом откинулась на спинку стула и позволила себе улыбнуться.

Она выиграла.

Она выиграла спор у человека, который не привык проигрывать.

А вечером, когда она уже собиралась уходить, на её столе зазвонил внутренний телефон. Она сняла трубку.

— Мисс Харт, — сказал голос Александра Рида. — Завтра в девять утра зайдите ко мне в кабинет. У меня есть к вам предложение.

— Какое?

— Узнаете завтра.

Он повесил трубку.

Эвелин посмотрела на неё секунду, потом положила на место и медленно собрала вещи. В голове у неё звенела одна и та же мысль: она выиграла спор — но, кажется, только что проиграла что-то другое.

Что именно — она узнает завтра.

Глава 3. Самая ужасная должность

Кабинет генерального директора «Ауреон Групп» находился на тридцать четвёртом этаже, и чтобы попасть туда, нужно было миновать две линии охраны, просторную приёмную с мраморной стойкой и секретаря — женщину лет сорока по имени Маргарет, которая посмотрела на Эвелин так, как смотрят на человека, опоздавшего на собственные похороны.

— Мисс Харт? — уточнила она ледяным тоном. — Вас ждут. Но предупреждаю: у мистера Рида встреча расписана по минутам. Если он сказал «в девять», это значит ровно в девять, а не в девять ноль-две.

— Я пришла в восемь пятьдесят восемь.

— Вот и прекрасно. Значит, у вас есть две минуты, чтобы подготовиться морально. Советую использовать их с умом.

Эвелин не стала спрашивать, что именно Маргарет имеет в виду. Она уже поняла, что в этом здании каждый разговор имеет второй слой, и что люди здесь говорят не то, что думают, а то, что выгодно сказать в данный момент.

Ровно в девять ноль-ноль дверь кабинета открылась, и Александр Рид появился на пороге — без пиджака, в одной рубашке с закатанными до локтя рукавами, что делало его одновременно более человечным и более опасным. На запястье блестели часы, которые Эвелин, при всём своём равнодушии к роскоши, узнала: такие показывали в витрине на Пятой авеню, и цена у них была такая, что на неё можно было купить небольшую квартиру в пригороде.

— Мисс Харт. Проходите.

Кабинет был большой — не кричаще большой, а сдержанно большой, как всё в этом здании. Окно во всю стену, письменный стол из тёмного дерева, книжный шкаф с книгами, которые, судя по корешкам, действительно читали, а не покупали для декора. На стене — карта мира с отметками в двенадцати точках, и Эвелин машинально отметила, что три из них находятся в Азии.

— Садитесь, — сказал Рид, опускаясь в своё кресло.

Она села напротив. Спина прямая, руки на коленях, взгляд ровный. Она не собиралась показывать, что нервничает, даже если нервничала.

— Вы, наверное, гадаете, зачем я вас вызвал, — начал он.

— У меня есть несколько версий. Все нелестные.

— Например?

— Например, вы решили, что я слишком много о себе возомнила, и хотите меня уволить.

Или что я, наоборот, слишком полезна, чтобы держать меня в аналитическом отделе, и хотите перевести в какой-нибудь тёмный угол, где я не буду мешать.

— А третья версия?

— Третья версия кажется мне наименее вероятной.

— И всё-таки?

— Что вы хотите предложить мне работу, о которой я не просила.

Рид откинулся в кресле. На его лице появилось выражение, которое Эвелин уже начала узнавать: смесь любопытства и раздражения, как у человека, который пытается решить головоломку и не может понять, восхищаться ему или злиться.

— Вы, случайно, не экстрасенс?

— Нет. Просто я умею читать людей. Вы вызвали меня в свой кабинет на следующее утро после того, как я выиграла у вас публичный спор. Если бы вы хотели меня уволить, вы бы сделали это вчера, через Хейла или через отдел кадров. Значит, вы хотите что-то другое.

— Логично. — Он подался вперёд и положил руки на стол, сцепив пальцы. — Хорошо. Я не люблю длинных предисловий, поэтому скажу прямо. Мне нужен личный исполнительный помощник.

Эвелин моргнула. Один раз. Второй. Потом сказала:

— Простите?

— Вы не ослышались.

— Вы хотите сделать меня своим помощником? Меня? Человека, который вчера облил вас кофе и публично назвал вашу команду некомпетентной?

— Во-первых, вы не называли мою команду некомпетентной. Вы сказали, что методология устарела. Это разные вещи, и я ценю точность формулировок. Во-вторых, кофе — это неприятно, но поправимо. А вот найти человека, который умеет думать самостоятельно и не боится говорить вслух то, что думает, — это гораздо сложнее.

— У вас в компании сотни сотрудников.

— У меня в компании сотни сотрудников, которые говорят мне то, что я хочу услышать. Это не то же самое.

Он встал и подошёл к окну, заложив руки за спину. Город за стеклом жил своей жизнью: машины, люди, огни, — и на фоне этого огромного, равнодушного города он казался фигурой из другого масштаба.

— Я не буду вам льстить, — продолжил он, не оборачиваясь. — Эта должность — не повышение и не награда. Это испытание. Мой помощник работает по восемнадцать часов в сутки, знает о моих встречах раньше, чем я сам, и умеет решать проблемы, о существовании которых я ещё не подозреваю. Мой помощник видит документы, которые не должна видеть ни одна живая душа за пределами этого кабинета. И мой помощник несёт ответственность за ошибки, которые совершаю я.

— Почему вы не взяли кого-то из своих?

— Потому что все, кто работает рядом со мной достаточно долго, начинают бояться. А вы не боитесь. Пока.

Эвелин молчала. В голове у неё проносились десятки мыслей одновременно: карьера, деньги, перспективы, риски, тот факт, что работа рядом с генеральным директором — это самый быстрый путь вверх, и тот факт, что этот человек только что фактически признал, что ему нужен кто-то, кому он сможет доверять.

— У меня есть условия, — сказала она.

Рид обернулся.

— Условия?

— Вы думали, я соглашусь без условий?

— Я думал, вы, по крайней мере, выслушаете предложение до конца.

— Я выслушала. Теперь моя очередь. — Эвелин поднялась и подошла к столу, остановившись напротив него. — Первое: никаких личных поручений. Я не буду забирать вашу химчистку, покупать подарки вашей маме и напоминать вам о днях рождения. Второе: никаких унижений. Если я ошибаюсь, скажите мне об этом наедине, а не на совещании. Третье: я работаю на компанию, а не на вас лично. Если я увижу, что вы принимаете решение, которое вредит «Ауреону», я скажу вам об этом. Прямо. Даже если это будет неприятно.

— Это всё?

— Нет. — Она сделала паузу. — Четвёртое: никакого флирта. Никаких двусмысленных шуток, никаких намёков, никаких «а давайте обсудим это за ужином». Я здесь, чтобы работать.

Рид смотрел на неё с непонятным выражением лица. Потом медленно, очень медленно, улыбнулся — и на этот раз улыбка была настоящей, широкой, почти мальчишеской, и от неё у Эвелин почему-то перехватило дыхание.

— Мисс Харт, — сказал он, — вы только что перечислили ровно те же правила, которые я собирался озвучить вам. С той лишь разницей, что я собирался сформулировать их короче.

— И как же?

— Никаких отношений внутри компании. Это моё единственное правило. Всё остальное — детали.

— Тогда мы договорились.

— Договорились. — Он протянул ей руку. — С понедельника вы работаете со мной. Маргарет подготовит документы. Ваш кабинет — за стеной, дверь в мой кабинет будет открыта с восьми утра до тех пор, пока я не уйду. Это может быть полночь. Это может быть три часа ночи. Вы готовы?

Эвелин пожала его руку. Ладонь у него была тёплая и сухая, и рукопожатие — крепкое, без той снисходительной вялости, которой грешат люди, привыкшие, что мир принадлежит им.

— Я готова, — сказала она.

— Тогда добро пожаловать в ад, мисс Харт. Постарайтесь не сгореть.

Она вышла из кабинета с прямой спиной и ровным пульсом. Только в лифте, оставшись одна, позволила себе прислониться к стене и закрыть глаза.

Она получила работу, о которой мечтала.

И работу, которая, она была почти уверена, станет самым большим испытанием в её жизни.

Первый рабочий день в новой должности начался в семь утра и закончился в полночь.

Эвелин пришла в офис, когда коридоры ещё были пусты, и обнаружила на своём столе — новом, стоящем в кабинете, который примыкал к кабинету Рида, — стопку папок высотой с небольшую башню и записку, написанную размашистым почерком:

«Разберите до обеда. В три часа встреча с инвесторами. Подготовьте краткое резюме по каждому пункту. Рид».

Она разобрала. К обеду она знала о портфеле инвестиций «Ауреона» больше, чем некоторые вице-президенты, и понимала, что половина этих папок — не текущие проекты, а старые, закрытые дела, которые, судя по всему, кто-то специально подсунул в общую стопку, чтобы посмотреть, как она будет реагировать.

Она не стала реагировать. Просто сделала работу.

В три часа она вошла в переговорную вместе с Ридом — и обнаружила, что инвесторы настроены агрессивно. Они задавали вопросы, на которые у Рида не было готовых ответов, и Эвелин видела, как на его скулах играют желваки.

Тогда она вмешалась.

— Простите, — сказала она, обращаясь к инвестору, который только что поставил под сомнение стратегию компании на ближайшие пять лет. — Вы говорите о рисках, но не учитываете, что за последние два года «Ауреон» диверсифицировал портфель таким образом, что даже при худшем сценарии доходность остаётся положительной. Если позволите, я покажу цифры.

Она показала. Инвестор замолчал. Рид посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что вытащил тебя из горящего дома, — с удивлением, благодарностью и лёгким раздражением.

После встречи он сказал:

— Вы понимаете, что только что нарушили субординацию?

— Понимаю.

— И что я должен сделать вам выговор?

— Должны. Но не сделаете.

— Почему?

— Потому что я спасла вам сделку.

Он помолчал. Потом сказал:

— В следующий раз предупредите меня заранее, что собираетесь вмешаться.

— В следующий раз предупредите меня заранее, что инвесторы будут настроены как голодные волки. Я подготовлюсь.

— Договорились.

Они вернулись в кабинет, и Эвелин заметила, как он украдкой потирает висок — жест, который она видела у него впервые и который почему-то показался ей более интимным, чем всё, что произошло между ними за эти дни.

— Голова болит? — спросила она.

— С чего вы взяли?

— Вы уже третий раз трёте висок. У вас мигрень?

— У меня встреча через сорок минут. И ещё одна через два часа. И ещё три завтра до полудня. Если я начну жаловаться на головную боль, это не поможет ни мне, ни вам.

— Поможет, если вы примете таблетку. У вас есть?

Он посмотрел на неё с непонятным выражением. Потом открыл ящик стола и достал блистер.

— Спасибо, — сказал он коротко.

Эвелин кивнула и вернулась к своему столу.

В полночь, когда она уже собиралась уходить, дверь кабинета открылась, и Рид появился на пороге — уставший, с расстёгнутым воротником и глазами человека, который не спал нормально уже несколько дней.

— Мисс Харт, вы ещё здесь?

— Ухожу.

— Хорошо. — Он помолчал. — Завтра в семь. Не опаздывайте.

— Я никогда не опаздываю.

— Знаю. — Он посмотрел на неё долгим взглядом. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мистер Рид.

Она вышла из офиса и впервые за весь день позволила себе выдохнуть.

А потом, уже в такси, достала телефон и увидела сообщение от незнакомого номера:

«Вы уверены, что стоите рядом с ним? Подумайте, кому это выгодно».

Эвелин уставилась на экран. Номер был скрыт. Сообщение пришло с неизвестного адреса, и в нём не было ничего, кроме этой фразы — короткой, как удар, и такой же болезненной.

Она не ответила. Заблокировала номер. Убрала телефон в сумку.

Но всю дорогу домой она думала о том, что этот офис хранит гораздо больше секретов, чем кажется, и что работа рядом с Александром Ридом будет опаснее, чем она предполагала.

Глава 4. После полуночи

К концу второй недели Эвелин пришла к выводу, что Александр Рид либо страдает редкой формой бессонницы, либо вообще не нуждается в отдыхе, либо — и это казалось ей наиболее вероятным — просто не считает ночное время чем-то особенным. В его представлении сутки делились не на день и ночь, а на «встречи» и «перерывы между встречами», и вторые, судя по всему, существовали только для того, чтобы он успел просмотреть документы, которые накопились за время первых.

Её рабочий график давно перестал подчиняться законам нормальной человеческой жизни. Она приходила в офис к семи, иногда к шести тридцати, и уходила, когда город за окнами уже зажигал вечерние огни, а затем и ночные. Она знала расписание всех его встреч лучше, чем своё собственное, помнила имена всех партнёров, с которыми он вёл переговоры, и держала в голове десятки деталей, о которых он сам иногда забывал: кто из инвесторов предпочитает воду без газа, кто не переносит, когда его перебивают, а кто, наоборот, ждёт, чтобы его прервали, потому что это даёт ему повод для торга.

В ту среду всё пошло не так с самого утра.

Эвелин пришла в офис в шесть сорок и обнаружила, что в её почте висит письмо от Маргарет, отправленное в пять утра: «Мистер Рид просил перенести видеоконференцию с сингапурским офисом на час раньше. Подтверждение от них уже получено. Время — четырнадцать ноль-ноль по нашему времени».

Она проверила расписание. Конференция действительно стояла на три часа дня, и в промежутке между полуднем и двумя у Рида было ещё две встречи — одна с юридическим отделом, другая с финансовым. Перенос означал, что обе встречи придётся сократить или сдвинуть, а значит, кому-то из вице-президентов придётся ждать.

Эвелин взялась за телефон и за сорок минут перестроила весь день так, чтобы никто не оказался в проигрыше. Юридический отдел она передвинула на утро, финансовый — на час дня, а освободившееся окно между ними использовала для того, чтобы подготовить материалы к конференции. К девяти утра расписание было перекроено, все участники уведомлены, и она позволила себе выдохнуть.

Но день, как назло, не собирался идти по плану.

В половине двенадцатого Рид вышел из своего кабинета с папкой в руке и выражением лица человека, который всю ночь не спал и теперь пытается решить проблему, у которой нет решения.

— Мисс Харт, — сказал он, — свяжитесь с отделом разработки. Мне нужны обновлённые данные по проекту «Меридиан» к концу дня. Скажите, что это приоритет.

— Они присылали данные вчера. Вы их отклонили.

— Я знаю. Мне нужны другие.

— Других у них нет. Они работают с той моделью, которую мы им дали.

Он помолчал. Потом сказал, тихо, почти сквозь зубы:

— Тогда найдите мне того, кто сможет пересчитать модель заново. И сделайте это так, чтобы к вечеру у меня было три варианта. Три, мисс Харт. Не два, не один. Три.

— Это невозможно.

— Я знаю, что это невозможно. Именно поэтому я прошу это сделать вас.

Он ушёл на встречу, оставив её стоять посреди приёмной с телефоном в руке и ощущением, что её только что попросили достать луну с неба, причём к ужину.

Эвелин не стала спорить. Она села за стол, открыла список сотрудников отдела разработки и начала звонить. К двум часам дня у неё было два варианта из трёх — оба неидеальные, но рабочие, — и она уже собиралась заняться третьим, когда заметила, что время неумолимо приближается к двум, а материалы к видеоконференции с Сингапуром так и не готовы.

Она подхватила папку, проверила, что проектор в переговорной работает, и влетела в комнату за минуту до начала. На экране уже мерцала заставка «Ауреон Групп», и в углу виднелись лица сингапурской команды — трое мужчин в рубашках с коротким рукавом, с той специфической бодростью людей, у которых за окном глубокая ночь.

Рид вошёл ровно в два. Сел во главе стола, кивнул, и Эвелин нажала кнопку подключения.

Первые десять минут прошли гладко. Сингапурская команда докладывала о ходе проекта, Рид задавал вопросы, Эвелин делала пометки. Но на одиннадцатой минуте раздался тихий щелчок, экран мигнул — и погас.

— Что случилось? — резко спросил Рид.

Эвелин уже была на ногах. Она подошла к проектору, проверила кабели, потом взглянула на ноутбук. Соединение оборвалось. Полностью. Не просто пропал звук или изображение — исчезла сама линия связи, и в углу экрана горела красная надпись: «Соединение потеряно».

— Связь упала, — сказала она. — Дайте мне минуту.

— У нас нет минуты. У них через час заканчивается рабочий день, и если они уйдут, мы потеряем неделю.

Эвелин не ответила. Она уже набирала номер технической поддержки — и одновременно, вторым пальцем, открывала на телефоне приложение для видеозвонков. Пока техподдержка не отвечала, она набрала номер сингапурского офиса.

— Это Эвелин Харт, помощник мистера Рида. У нас техническая проблема с линией. Переключитесь, пожалуйста, на резервный канал — я пришлю вам ссылку через минуту.

Она отправила ссылку. Потом повернулась к Риду:

— У нас есть три минуты, пока они подключаются. Если они успеют, конференция продолжится. Если нет — мы потеряем их до завтра.

Рид смотрел на неё с непроницаемым лицом. Потом сказал:

— Вы всегда так работаете?

— Как?

— На два фронта одновременно.

— Я работаю на вас. У меня нет выбора.

Она сказала это без раздражения — просто как факт. И увидела, как что-то в его взгляде изменилось: не потеплело, нет, но стало чуть менее ледяным.

Через две минуты сорок секунд экран снова ожил. Сингапурская команда появилась в полном составе, и их руководитель — мужчина с седыми висками и усталыми глазами — сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.